

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 "Кубка Мира по русской поэзии - 2018" членом
Жюри конкурса. Лучшие 10 стихотворений "Кубка Мира" будут объявлены
Оргкомитетом 31 декабря 2018 года

*Имена авторов стихотворений будут объявлены 31 декабря 2018 года в Итоговом
протоколе конкурса.*

1 место

Конкурсное произведение 220. ["Бытие Петра и Павла"](#)

1.

Павел лежит в постели, пялится в потолок,
Думает о насущном: какой человеку срок
Для счастья, любви и горя – чем жив этот человек?
Мысли жужжат, как пчёлы, в болезненной голове.

За грязным окном тоскливо – падает мокрый снег.

Павел глядит на стены и представляет вне
Комнаты своё тело – тело летит туда,
Где густо растёт крыжовник, красная лебеда
У безымянной речки, где дом и заросший сад.

Скрипнула дверь протяжно – тело летит назад:
Павел лежит в постели, не ест ничего, не пьёт,
Но всё-таки жив, счастливый.

2.

В комнату входит Пётр,
Молча, кривясь от боли, держится за живот,
Думая о насущном: зачем он ещё живёт?

Снег за окном – стеною, первый осенний снег.

Пётр в постель ложится и видит потом во сне:
Маленький дом у речки, старый вишнёвый сад;
Голову запрокинув, открыв широко глаза,
Стоит человек счастливый – так на него похож.
Пётр проснувшись, знает: ты, человек, умрёшь.

3.

Стало светлей и чище – хлопьями валит снег.

Скрипнула дверь – и входит в комнату Человек,
К Павлу подходит тихо, гладит по волосам.
Павел лежит смиренный, пялится в небеса
Цвета люпина, солнце слепит глаза до слёз.
Думая о насущном, он задаёт вопрос,
Но Человек, как рыба, – лишь открывает рот.

Павлово тело снова к тихой реке плывёт.

4.

Пётр проснувшись, знает, всякий теперь – умрёт.
Молча, кривясь от боли, держится за живот.
А Человек подходит, гладит по животу –
Пётр смыкает веки, чувствуя темноту,
В пропасть летит и глухо падает в никуда.

5.

Пётр стоит у речки. Тихо журчит вода,
Ветер доносит слуху, как оживает сад.
Пётр шагает к Павлу.
Больше нельзя назад.

2 место

Конкурсное произведение 56. ["Лодка"](#)

Я не трогала воду, страшилась ее движений.
Он размазывал соль по ошпаренной солнцем шее.
И такое затишье, что птицы совсем не пели.
Только ловчие весла со дна поднимали зелень.
Под ногами ходила река тяжело и жадно.
Мы буравили ил, непроглядные пятна, пятна.
Он распахивал руки, и рыбы к ладоням льнули.
Говорил мне: "Плыви, плыви!" И я тонула.
Опускалась на дно, как горячий прибрежный камень.
Занимался закат золотистыми языками.
Широко расползались круги. Проступали остро
Перетлевшие листья, белесые рыбы кости.
Говорил: "Ничего, ничего, мы начнем сначала."
Я послушно молчала, и лодка меня качала.
Только голос его постепенно сходил на кашель.
Поднималась река и стояла темно и страшно.
Больше нет мне распахнутых рук над моей пучиной.
Но я делаю точно, как он меня научил.
Я тону глубоко, я потом начинаю сначала.
И лодка меня качает.

3 место

Конкурсное произведение 285. ["Мир из пороха и бумаги"](#)

* *

Будем жить лучше - купим белую канарейку,

Клетку повесим над (**) или над пианино.
В дрожащем голосе будут (**), мосты и реки,
Невод с (***) или морскою тиной -
Что там в детстве вихрастом привиделось, намечталось -
Дом у пологого берега, (*) на балконе.

Ёлочкой след от шин, тяжесть (**) и металла,
У клёна, (**) и тополя перебиты корни.
Вон у фундамента (**) цветёт нелепо,
Остов от (**) в чёрную землю вкопан,
Рухнул балкон от первой весенней бомбы.
Нам бы (***), зрелищ и чёрного хлеба,
Нам бы углём нарисованный день запомнить.

Клинок лопаты траншейной шуршит за откосом,
Заводят моторы, (**) наполняют баки,
Скручивают, как (**), как папиросу,
Мир из пороха и бумаги.

Дождь начинается. Канарейка выводит трели.
Чей-то балкон с полотенцем виден в прицеле.
Звали меня (**), (**) или (**) - неважно.
Плывёт по свежей траншее кораблик бумажный.

* *

Ладушки, ладушки,
Жили мы у бабушки.
Кошка на рогоже,
Старший брат в прихожей.
На кресле - кукла Катя
В обгоревшем платье.
Из-за маминой раскладушки
Торчат тюки с подушками.

Заснёшь - и вот как-будто
То солнечное утро:
Пепел над заводом,
Полон двор народа.

Всех-всех-всех собрали -
Папу потеряли.
Ночью над спортзалом
Долго грохотало.
Брошенный фундамент.
Папа снова с нами:
Папина чашка,

Папина рубашка,
Пряжка без царапин
И крестик тоже. Папин.

4 место

Конкурсное произведение 321. ["Отплытие из О."](#)

В осаду мидий взяты корабли,
прильнувшие ко дну в осадке низкой.
Вода (хоть лучше к мидиям сабли)
их длинные пролистывает списки.
Стоит «Меркатор», высунув в залив
бушприт, как бы принохиваясь к ветру,
готовый хоть сейчас, разворотив
причал, рвануться снова в кругосветку.
На нём, пересекая океан,
как воин на щите, к своим пенатам
апостол прокажённых Дамиан
под погребальной ризой плыл когда-то.
Гроб упирался в палубный контрфорс,
и ткань на нём от волн ли, слёз промокла
(...как та, что покрывала смуглый торс
отбитого ахейцами Патрокла).
Что кроется ещё за ворожкой
морской волны, откуда эти греки? –
Ветра и дюны, камни и прибой
пребудут неизменными вовеки.
Дозорный чистик тоненько свистит
из зыбкой пелены над виадуком.
На резкость эту рябь не навести,
и в воздухе солёном, близоруком
вдали видны, обманчиво малы,
не то портовых кранов пеликаны,
не то орудий смутные стволы.
А море монотонно и гортанно
твердит своё, качая дотемна
дельфинов гладкокожие триеры:
не кончена Троянская война,
не все слова досказаны Гомером.

5 - 10 места

Конкурсное произведение 39. ["Hieronymus"](#)

была ли здесь волглая темнота

была ли здесь иволга
налита
по горлышко узкое долгим о
где смерть вынимала моё нутро

чтоб пальцами в алое
чтоб не разлей вода
мне ливень летел как яблоко мимо рта
всем телом текучим выталкивая на свет
всё то чему в мире названий нет

и кто-то стоял по жабры в тугой тоске
огромной ракушкой на песке
неслышимым ухом где звуки горят внутри
где жизнь моя иволга
ивовой же кости

и вот по весне выплывает протяжный звук
из плоти шершавой
из мерзлых рук -
не птица но древо пернатое до корней
живее всех мертвых
румянее и белей

и нет никакого зеркала
из пустот
о чем-то своём бормочет безумный рот
и добрый босх склоняется надо мной
и пишет свет
до его разделения с темнотой

Конкурсное произведение 366. ["Urbi et orbi"](#)

— Это что там алеет на ветке, снегирь?
— Нет, откуда: не видели с детства.
В шестиместной палате — не город, а мир,
Только странное это соседство.

Слева — Палех, а справа — березовый Плес,
Дальше — Суздаль, почти деревянный.
А Иванову россыпь гранатов принес
Кто-то бледный, от горечи пьяный.

Подождать до пяти у слепого окна,
Теребя телефон и газеты.

Как предписано, красного выпить вина,
Вдруг припомнить, зачем ты и где ты.

Отказаться от ужина; до темноты
Просидеть в тупичке коридорном.
Палех тих, но вздымаются ребра-мосты.
Плес линчует буханку проворно.

Суздаль тянется к обуви — он на дневном,
А Иваново выпишут в среду.
Это значит горячую ванну, и дом,
И узорную ложку к обеду.

Под снегами крахмальными спят города.
Пол измазан рассветом, как кровью.
И большая беда, как большая вода,
Подступает уже к изголовью.

Конкурсное произведение 154. ["Багдад"](#)

Все спокойно -- в Багдаде, допустим,
и лес как лес.
Елки-палки, топор вместо шубы,
дрова, зола.
Выпьешь крови под утро и полно искать чудес,
жизнь брала под крыло
и была о шести крылах.
Высоко под ребром вода с косяками рыб.
Без труда хорошо.
Не ловится рак в пруду.
Если день просвистеть
и год протрубить как выпь,
и тростник запоет
под тёрнову трын-дуду.
Рыба меч, головой за веру, хвостом на дно,
обратилась железным носом ко всем чертям.
Век мой, глаз мой без век,
кабинка на проходной.
Цап за руку и в реку,
а раки свистят, свистят.
Рыба зависть плывет как птица,
поет как нож.
К серебристым гортанным звукам привык Багдад.
Не моргнув камышом,
когда-нибудь подпоешь

на червя, на блесну, на что-нибудь наугад.
Рыба ревность доела сердце,
ушла в загул,
борзописцем гуляет за морем на цепи.
Берегись авторучки и прочих ее акул
или стань предо мной бумагой
и все стерпи.
Рвись где тонко, на полуслове,
а лес как лес.
Сколько волка кормить, подумаешь и уйдешь.
Легкий горб прорастет
под мой невесомый крест
между зрячих воловьих шкур и еловых кож.

Конкурсное произведение 233. ["Морфана"](#)

не открывая дверь, из темноты
войдёт в тепло, подует на цветы
и у кого-то за порогом спальни
беззвучно спросит: кажется, уснул?
к постели пододвинет венский стул
и сядет, уложив подол крахмальный.

закрыв глаза, зачем, дитя, не спишь?
ты сверток, тишина, ночная мышь,
попавшая в черничное варенье...
зачем следить — до радуги в ушах —
как замедляет равномерный шаг
пугливая капель сердцебиенья?

зачем пытаться вырваться, когда
она не причинит тебе вреда?
дорога в гору, далеко до смерти.
усни же — и в почтовое трюмо
она тебя отпустит, как письмо
в другую жизнь надписанном конверте.

Конкурсное произведение 386. ["Наслоение. Расслоение. Гармония"](#)

Чёрный рисует белого, белый — прям.
Вчера был велик-велик — сегодня зря
переступил черту и пришел пустой,
чтобы попасться чёрному на листок,
чтобы случиться копией и ожить,
чтобы светиться образом да блажить.
Но оживает — что? Ты пойдя, проверь —

красным листок зацвёл.
Красный заходит в дверь.

— Кто-то приладил время на три петли,
а теперь болтает, что нет пути.
Кто покоится с миром, с войною — твердь.

Время летит с петель, красный срывает дверь.

Красный срывает дверь, а за дверью — тишь.
На табурете чёрный сидишь-сидишь —
белый орёт-кричит и орёт-кричит,
красному кровотоцит — мироточит.

Сходит время с петель. Красный летит за дверь.

Белый кричит на чёрного:
— Я — теперь?
Должен поймать и спрятать красную тень?

Белый плещет краской. А чёрный — где?
Только визжат осколки в зеркале —
красные руки — белому — белый слой.

Он забирает «я» — идёт домой,
где чёрный рисует белого —
сам не свой.

Конкурсное произведение 387. ["Четыре гвоздя Борхеса"](#)

1.
Хорхе достались подарки: особенный дом —
четыре глухие стены, ни дверей, ни окон —
и свиток топографических карт — кокон
созревающих тайн. Хорхе ведом

яростной юностью — стены ему тесны,
Хорхе ночами видит странные сны,
будто *некто* пишет книгу его рукой —
и Хорхе бежит за петляющей чёрной строкой,

но просыпается в строгом квадрате стен.
Перемен!
Хорхе берёт молоток, глотает злость.
Разрывает кокон — вот же он, мир! — и гвоздь

пробивает навывлет север. Дом даёт крен —

обломки стены уносит водоворот.
Хорхе падает в море, Хорхе плывёт.

Дон Борхес смотрит на Хорхе через плечо,
пишет: *первый сюжет — о поиске*

2.

— Где крючок?

Шляпу повесить негде хозяину! Что ж!
Превозмогая невесть откуда возникшую дрожь,
Хорхе Луис, по колено в воде, берёт молоток —
аккуратным ударом загоняет гвоздь на восток.

Дон Борхес смотрит на Хорхе Луиса через плечо,
пишет: *второй сюжет — о возвращении*

Ну что там ещё?!

Грохот. Летят обломки восточной стены.
Шляпу Хорхе Луиса несут буруны.

Хорхе Луис бросается к южной стене.
Дон Борхес отчаянно машет ему — «нет, нет, нет!» —
и видит, не веря своим глазам —
Хорхе Луис Борхес — почти что он сам! —
возводит заново стены, из ясеня стол
ставит посередине. Но чёртов пол
накрывается! Стол уезжает на юг —
и, подчиняясь качке, проходит круг.
Хорхе Луис Борхес хватает гвоздь,
пробивает стол к полу. Сам себе гость,

садится и пишет: *третий сюжет —
об укреплённом городе*

3.

Кабинет.

Четыре стены. Западное окно.
Запоздалый луч течёт по рукописи, исчезает.
Некто смотрит через плечо, но за темнотой —
пустота. И последняя запятая

вырастает в точку. *Некто* заносит перо —
дату поставить и, может быть, инициалы.

Силится вспомнить — книга написана про ..?
Х.Л.Б.? Или его никогда не бывало?

*Некто берёт левой рукою гвоздь
и прибивает правую — сам себе гость! —
к столешнице. Кровь заливает роман.*

4.

*Четвёртый сюжет — золотой талисман
в виде гвоздя носят все, но недавно видали расстригу:
покалеченная рука
смотрит через плечо
на шее висит открытая книга*

